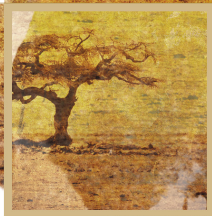

Михаил
Попов

Праздность

московские
ПОЭТЫ

Михаил Михайлович Попов
Праздность
Серия «Московские поэты»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34194202

Праздность:

ISBN 978-5-91366-807-3

Аннотация

Автором очередной книги в серии «Московские поэты» является известный литератор Михаил Попов. Сборник составляют в основном новые тексты, к ним добавлено несколько стихотворений из прежних книг.

...Праздность, как говорил александрийский поэт Каллимах, близкая родственница Поэзии, может быть, даже родная сестра.

Содержание

«Ни одной вороны в этой кроне...»	4
«Кончилась пора жары и дыма...»	6
Знакомому китаисту	8
«У пруда компании гуляющих...»	10
«Облака плывут довольно плавно...»	11
«Было ветхим и сырым то здание...»	12
«Сдвиньте гусеницы дивизий...»	14
«Струя слепого холодка...»	15
«Уже почувствовали мы...»	17
«Любите прозу, рифмоплеты...»	18
«В саду такая, брат, истома...»	20
«Оборонительный мороз...»	21
«В густом подлеске между соснами...»	23
Праздность	25
«Бомжей вы очень много видели...»	27
Вечерняя веранда	29
«Пусть солнце село, но окрестности...»	31
Сельское кладбище	33
«На водной глади замер пух...»	36
«Потрясенный открытием страшным...»	37
Март	38
Прощай, оружие!	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Михайлович Попов

Праздность

«Ни одной вороны в этой кроне...»

Ни одной вороны в этой кроне,
Вычурные веток чертежи,
Лист висит один, как посторонний,
Выросший над пропастью во ржи.

За окном октябрьская местность,
В чистом поле чистая стерня,
Старая и злая неизвестность
Так по-новому грызет меня.

Выхожу я взглядом на дорогу,
Там никто, никто не внемлет Богу!
Нету ни собаки, ни «газели»,
Сколько бы глазенки ни глазели.

Я сижу и пальцем безымянным
Вкрадчиво почесываю грудь,
Постепенно напиваюсь пьяным,
А потом вообще готов заснуть.

Буду я лежать один под пледом,
Но продолжу я соображать.
Лист последний, как объятый бредом,
Станет все отчаянней дрожать.

Он сорвется, вздрогнув напоследок,
Чтоб со мною рядом не висеть.
Голых, черных и бесшумных веток
Надо мной склоняться будет сеть.

«Кончилась пора жары и дыма...»

Кончилась пора жары и дыма,
Триста лет подобной не случилось,
И теперь уже неоспоримо —
Лето нам великое досталось.

Задыхаясь в выжженной квартире,
Замерев при кондиционере,
Жили мы как в уходящем мире,
Но в каком-то все же и преддверьи.

Я, как все, был потен, зол и мрачен,
Но при этом взял и бросил пить я.
Трудно всем и каждому, что значит —
Я участник крупного события.

Но сломалась все-таки погода,
Развалила Вавилон жарищи,
Собирала дурь свою полгода,
Ливень хлещет, ветер так и свищет.

Мир опять прохладен, не угарен,
Вывих мира очевидно вправлен.
Снова я ни с кем не солидарен,
Самому себе я предоставлен.

Знакомому китаисту

Что ты ищешь на своем Тибете?

Расскажи, развея тоску мою.

Что за хрень имеешь на примете,

Разве нет такой в родном краю?

К тайнам, что открыл бродячий Рерих,

Я всегда был почему-то глух...

Но, допустим, вышел ты на берег,

За которым сразу – чистый дух.

Совершив предписанные пассы,

Рухнув лбом среди гундосых лам,

Ты под ивами высокогорной Лхасы

Отряхнешь с души ненужный хлам.

Но встает вопрос про разных, многих,

Кто житейских не осилит пут,

Про похмельных или про безногих,

Как им добрести в обитель Будд?

Бог не должен жить в районе Кушки

Иль сидеть в горах в большом доме,

Мы в обыкновеннейшей церквушке

Запросто являемся к нему.

«У пруда компании гуляющих...»

У пруда компании гуляющих,
Под каштанами, под кленами и липами,
Пара уток, вразнобой ныряющих,
Очевидно, покалякать с рыбами.

Пара лебедей, они под ивами
Гнутыми покачивают шеями,
Выглядят немного несчастливыми,
Тихими застенчивыми феями.

Гуси на виду, и тоже парюю.
Гогоча сойдясь, опять расходятся,
И за их многосерийной сварюю
Наблюдают все, ну все, как водится.

«Облака плывут довольно плавно...»

Облака плывут довольно плавно,
Как и принято, растет трава...
Все же в мире что-то неисправно,
Где-то отошло едва-едва.

Дождь идет, как он обычно ходит,
Время точно по часам течет,
Кто ж сомненья эти производит?
Для чего нам этот новый черт?

Знаю точно: если дверь открою,
Нету там убийцы с топором,
И слова я как обычно строю,
Шариковым действуя пером.

Начертал я на бумажной тверди,
Поделиться можно только с ней:
«Бытие не есть дорога к смерти», —
Но от этого еще страшней.

«Было ветхим и сырым то здание...»

Было ветхим и сырым то здание,
Там жилось укомно и мучительно,
Молодое хмурое создание
Этот дом любило исключительно.

Но изведено подспудным рвением,
Взяв у матери рубли наличные,
И себя считая, видно, гением,
Укатило на пути столичные.

Понаписано в Москве, да и повыпито,
В прошлом дрожь о счастье и величии,
Много дури из башки повыбито,
Ничего почти что нет в наличии.

И с годами все сильнее кажется —
Все не так: и сердце, и правительство.
Хочется на что-нибудь отважиться,
Изменить хотя бы место жительства.

Бросимся домой, ведь там спасение!
Но снесли то старенькое здание.
И не получилось воскресения,

И исключено переиздание.

И в слепом поселке, и в Измайлово

Жизнь пройдет, и есть такое мнение:

Домик Мастера плюс банька Свидригайлова —

Вот в какое едем мы имение.

«Сдвиньте гусеницы дивизий...»

Сдвиньте гусеницы дивизий
И штыки поднимите полков,
Все просторы пронзительных высей
Скroyте тучами штурмовиков.

И составьте составы с ипритом
У закрытых шенгенских дверей,
Объявите: к вам будут с визитом
Двести кузькиных матерей.

И когда, грозным оком сверкая,
Встанем мы во всю мрачную статью,
Запад снова, трясясь, но вникая,
Станет русские книги читать.

«Струя слепого холодка...»

Струя слепого холодка
Пересекает мрак веранды,
Вползла в сознание строка
Потусторонней контрабанды.

Сквозь крону яблони сплошной,
Что рядом с вишней беспросветной,
Нам посылает мир иной
Какой-то образ безбилетный.

Бредет прерывистый фонарь,
Как будто побираясь, в звездах:
Аэропорт свой инвентарь
Всю ночь зашвыривает в воздух.

Река распалась вдалеке
На ряд сверкающих излучин,
И в этой ломаной строке
Скрип от хароновых уключин.

Строит напрасный тарарам
Вдали скользящей электрички,
То композитор наш Арам
С клинками пляшет по привычке.

Пуста, как пристань, голова,
Пусть и в лирической короне.
И непрерывно шлет слова
Мне транспортер потусторонний.

«Уже почувствовали мы...»

Уже почувствовали мы
Неповторимый этот почерк,
Весна из ледяной тюрьмы
Взрывается напором почек.

И кажется, еще чуть-чуть —
И все в зеленой канет пене,
Но холодом сдавило грудь
Апреля, и без изменений

Застыл наш бездыханный сад,
Мир замер, как курок на взводе,
И кажется, шепни «назад» —
И все назад пойдет в природе.

Мир умирает, а не спит,
Лишь у соседа на балконе
«Машина времени» скрипит
В раздолбанном магнитофоне.

«Любите прозу, рифмоплеты...»

Любите прозу, рифмоплеты,
Не устремляйтесь слепо ввысь,
Те запредельные полеты
На что убогим вам дались!

Ну, наглотаетесь вы влаги
Отравной горних облаков,
Метафор яркие ватаги —
Они ведь не для простаков.

Вернетесь, жалки, боязливы,
Вы вниз с зияющих высот,
Ведь те заоблачные нивы
И мед золотоносных сот —

Он не про вас, а про особых,
Про тех, кто истинный пиит,
А вы бродите в скромных робах,
Любите истинный свой вид.

Горшок со щами, и краюха —
Другого не хоти рожна,
Под боком Машка иль Раюха,
Вы с нею вместе – сатана.

Реалистичная картина:
Нет славы? но и нет долгов!
И вся домашняя скотина
Глядит на вас, как на богов.

«В саду такая, брат, истома...»

В саду такая, брат, истома,
И воздух тих, и воздух чист,
Шагнешь ты босиком из дома,
И все, теперь ты руссоист.

А там в тени кувшинчик с квасом —
Такой бы пил, да пил и пил,
Хлебнешь и крякнешь нежным басом,
И вот уж ты и русофил.

«Оборонительный мороз...»

Оборонительный мороз
Стоит в Москве, как будто фрицы,
Свершая новый дранг нах ост,
Пришли в окрестности столицы.

Родимый холод, словно щит,
Нас защищает от напасти,
От напряжения трещит,
Но не ломается на части.

Обломок масла воробы
Долбят свирепо на балконе,
В тройные строятся строи,
По жести топчутся, как кони.

Гремит их суетливый хор
Среди насквозь промерзшей рани,
Рычат: «Анкор, еще анкор», —
Речь не о масле, но о брани.

Готовы ринутся в бои:
Иль победят, иль будут сбиты!
Вот странно, только воробы
В такое утро боевиты.

«В густом подлеске между соснами...»

В густом подлеске между соснами
Стоит жуя огромный гость,
Рогами мощными, несносными
Поводит. Неужели лось!

«Сокольники» обжиты белками,
Чертовки скачут меж стволов —
собаками, все больше мелкими...
Таких увенчанных голов
Здесь не видали. В возбуждении
Два медленно бродивших пса
Несутся в сторону видения
И надрывают голоса.

«Охотясь» лают по обычаю,
Кружат, пока не надоест,
Но лось не станет их добычею,
Уйдет тогда, когда поест.

Собаки возвратились грустные:
Какой-то глупый этот зверь,
И ветки все грызет невкусные,
И нам плевать, где он теперь.

Праздность

Дом стоит, течет себе вода,
Я сижу и на реку гляжу,
Я не отвлекаюсь никогда,
Даже рыбы глупой не ужу.

Так сижу уже немало дней,
Про себя смеюсь я: ничего,
Нет на свете ничего ровней
Ровного настрою моего.

Проплывают мимо корабли,
Происходит сплав и ледоход,
Я один на краешке земли,
И сижу уже который год.

Проплывают деньги и тряпье,
Проплывают ненависть и грусть,
Проплывает время, е-мое,
Только я, конечно же, дождусь.

Проплывают жены и мужи,
Проплыла тюрьма, плывет сума,
Все мне тихо шепчут: «Сторожи,
Ведь уйти – это сойти с ума».

Вот плывет народ, а следом знать,
Легитимно проплывает власть,
Этих знаю, этих не узнать,
Тот плывет с трудом, а этот всласть.

Кто-то, признаю, плывет с умом,
А вон тот, ну просто как дурак,
Этот притворяется сомом
Иль безрыбья ищет, словно рак.

Проплывает, ну конечно, Ной,
С ним плывут все те, кто с ним плывет.
С неземной тоскою водяной
Мне кричит: «За мною, идиот!»

Лишь туман плывет теперь, он бел,
Словно думает его дебил,
Думал, а додумать не успел,
Кто-то взял, дебила утопил.

Вот и труп врага, ну наконец,
Ты плыви, родной, счастливый путь!
Только это вовсе не конец,
Я тут посижу еще чуть-чуть.

«Бомжей вы очень много видели...»

Бомжей вы очень много видели,
Бомж неказист, и он угрюм,
Но а вон тот, в огромном кителе,
Берется, кажется, за ум.

Он вслед за веком нашим тянется,
О чем-то думает большом,
Возможно, он бомжом останется,
Но все ж продвинутым бомжом.

Сидит за грязною палаткою,
Почти не пьян, в движеньях скор,
И с электронной тетрадкою
Ведет тактильный разговор.

Он пива отхлебнет рассеянно,
И детский взгляд горит огнем.
Ну вот, в нем доброе посеяно,
Разумное клубится в нем.

Экранными он движет плитками,
И вот пошел, вперед, орел!
Он не расскажет и под пытками,

Как он окно в прогресс обрел.

Но вот картина вдруг меняется.

Пришла она, зовут Гузель,

Всем телом мощным прислоняется.

Зачем ты не бежал отсель!

Отобрала игрушку, гадина.

Мужик все знает наперед:

Вечерняя веранда

Чего ты хочешь, призрак матовый
В саду стоящий под луной?
Ты притворяешься Ахматовой,
Зачем-то приглашенной мной.

Я так люблю вздремнуть доверчиво
В глуши раскидистого дня,
Но стоит долежать до вечера —
Такая дичь вокруг меня.

Откуда-то сюда доносится
Какой-то голос или стон,
Как будто кто-то в гости просится,
Не сообщая, кто же он.

А то мелькнет вдруг образ Сталина,
Я лучше б выдумать не мог.
Одна рука его приталена,
И трубочный над ним дымок.

А то стоит старик и чешется,
Почти не покладая рук,
Кричит, что нынче будет вешаться,
Не очень верится, а вдруг?

А то пахнёт волной эфирною,
И я парю, утратив вес,
Как разродившийся Афиною
И временно не грозный Зевс.

Бывает что-то вовсе гнусное,
Что и пером не описать,
Пускай оно умрет как устное,
Мне жаль чернил его спасать.

Сегодня вон пришла Ахматова.
Спасибо, милая, рахмат,
Чем дальше, тем все больше матова,
Ну, хоть переходи на мат.

«Пусть солнце село, но окрестности...»

Пусть солнце село, но окрестности
Еще не полностью во тьме,
Я, первый циник этой местности,
Сию один. В своем уме.

Но начинается волнение,
Сначала только лишь в мозгу,
Как будто гений уравнение
Решил, хихикнув, на бегу.

Снуют невидимые ангелы,
Предчувствия проникли в сад.
Вот-вот и предсказанья Вангины
Вдруг разом все заголосят.

Внутри как будто что-то строится,
Я замерзаю и горю,
Уверен – мне сейчас откроется,
И я куда-то воспарю!

Я вскакиваю шаткой башнею,
С комками воздуха в руках,
И прибежавшие домашние

Молчат на разных языках.

Сельское кладбище

Всё травой поросло,
А кое-где и лопух.
Рядом легли как назло

Несколько есть парней
Из городской братвы,
Средь сосновых корней
И под ковром травы.

Летчик, танкист, алкаш...
Рыскаю, словно рысь,
Кладбище – ералаш,
Могилы как разбрелись!

Или сбились в толпу,
Опять заблудился я.
Пот бороздит по лбу...
Ну вот и мама моя.

Плутал и нашел, стою —
И так все пятнадцать лет,
И снова осознаю —
Ее тут в помине нет!
Нет Нины вон той и Ильи,

Раисы, Ивана, Льва,
Не для Петра соловьи.
Не для Фомы дерева.

Поросший сосной бугор
Прекрасен со всех сторон,

Но все же где-то не здесь.
Но было: порыв грозы

Застал меня на холме —

Сначала мертвая зыбь,

А после — орган во тьме.
Вроде как охмелев,

Запели из темных нор

Таксист и братва, и Лев

И это был сильный хор.
Рыдали все деревья,

И тонко мне грыз висок,

Слышный едва едва-едва,

Мамочкин голосок.

«На водной глади замер пух...»

На водной глади замер пух
ветла склоняется над прудом,
все, все беззвучно – только слух
за звуком мчится, как за чудом.

Вдруг лист осиновый плеснет,
как будто проявляя нервность,
то ласточка вдруг полоснет
крылом безвольную поверхность.

Та что-то ей сверкнет в ответ,
и снова залегла в молчанье,
и тишина, как белый свет,
хранит всю радугу звучаний.

«Потрясенный открытием страшным...»

Потрясенный открытием страшным,
дядя Саша несется в киоск,
хмель сегодняшний вслед за вчерашним
орошают испуганный мозг.

Но комок не расходуется в горле,
он нашел среди журнальных страниц:
«Динозавры не все перемерли,
а дожили до нас в виде птиц».

В магазине, где куры нагие,
он застыл, словно столп из земли:
динозавры мои дорогие,
до чего вы себя довели!

Март

Влага на черном блестит рубероиде,
Кот у сарая: «Пошто не орем?»
Если окно вы случайно откроете,
В нос вам ударит нашатырем.

Солнечный свет совершает насилие
И заставляет глухие сады,
Вновь из-под снега явить изобилие
Всякой воскреснувшей ерунды.

Археология тихая, сонная,
Вскрылась коляска, а рядом совок,
Вот и ведро от снега спасенное:
Хочется сделать огромный зевок.

Эту бутылочку из-под сливовицы
Мы не убрали из-под сосны,
И ни о чем не успели условиться,
И не встречались уже до весны.

Снег пал внезапно, и сад стал Помпеями,
Жизни пришлось замереть и уснуть,
В марте зачем-то возможность имеем мы
Все в размороженном виде вернуть.

Радуйтесь свету, вещички раскисшие,
Жизнь не навеки подвластна зиме...
Вот и про нас где-то замыслы высшие
Строятся тихо себе на уме.

Прощай, оружие!

Только мы разбиты под Полтавой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.